ВОЙНУ ТРУДНО НАЧАТЬ. НО ЕЩЕ ТРУДНЕЕ ЗАКОНЧИТЬ. ЧАСТЬ I: «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ»

Документальная повесть очевидца и участника событий

Владимир Снегирев

Став в марте 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС, а фактически — полновластным руководителем огромной страны под названием СССР, Михаил Горбачев получил в наследство от своих предшественников кучу самых разных проблем. И одной из тех, с которой предстояло разбираться незамедлительно, было советское военное присутствие в Афганистане, противостояние нашего более чем сотысячного контингента с местными партизанами и поддерживавшими их иностранными спонсорами.

К тому времени всем стало окончательно ясно, что мы угодили в смертельно опасный капкан, что победить в этой войне невозможно, а потери в ней — репутационные, человеческие, экономические и прочие — серьезно подрывают мощь государства, негативно сказываются на многих сторонах советской жизни.

Но прежде чем рассказать, как принималось решение о выводе из Афгана «ограниченного контингента» и как оно осуществлялось на деле, есть смысл вернуться к тем событиям, которые стали поводом к нашему военному вторжению в соседнее государство.

Хочу сразу предупредить: все изложенное ниже — это плод моих многолетних изучений архивных и иных источников, встреч и бесед с непосредственными участниками тех далеких событий, а также личных наблюдений, сделанных за Амударьей и в высоких московских кабинетах.

Ловушка-79

Итак, 25 декабря 1979 года в 15.00 по московскому времени части спешно сформированной 40-й армии сразу с двух направлений пересекли афгано-советскую границу и вторглись на территорию сопредельного государства. Началась крупная военная операция, цель которой до конца не была известна никому — ни членам политбюро, принявшего о ней совсекретное постановление, ни маршалам в Минобороны, которым

приказ пришлось выполнять, ни руководителям Афганистана, по чьим настоятельным просьбам войска перешли понтонный мост через Амударью и наступали по шоссе в районе Кушки.

Престарелые советские вожди были настолько не уверены в разумности задуманной акции, что свое решение оформили лишь в одном экземпляре, написанном от руки лично К.У. Черненко, стыдливо назвав этот уникальный документ «К положению в "А"», а предстоящее вторжение замаскировав казенным словом «мероприятие».

Кажется, это единственный случай такого рода за всю историю цековского делопроизводства.

В возглавляемом Д.Ф. Устиновым МО сразу несколько крупных военачальников (тоже небывалый случай в летописи военного ведомства) открыто выступили против силовой акции, за что поплатились своими креслами, а те, кто промолчал тогда, не жалели бранных слов в адрес инициаторов впоследствии.

Что же касается наших афганских «друзей», то тут и вовсе произошел полный конфуз, потому что их, моливших Кремль об оказании военной поддержки, воины-интернационалисты и наказали первым делом, едва войдя в Кабул. Глава государства Хафизулла Амин был убит 27 декабря в ходе штурма его резиденции силами спецподразделений КГБ, ГРУ и ВДВ, а людей из его окружения на долгие годы упрятали в тюрьму.

Реакция Запада оказалась предсказуемой: практически все страны дружно выразили свое категорическое неприятие «оккупации Афганистана».

Более того, «интернациональную миссию» осудили руководители компартий многих государств, афганская тема на годы стала едва ли не главным козырем так называемых «еврокоммунистов». А руководители заинтересованных спецслужб откровенно потирали руки: Советы угодили в ловушку, из которой нет выхода. Кажется, эти ребята быстро поняли, какой исторический шанс выпал им в холодные декабрьские дни 79-го. Теперь этим шансом надо было грамотно воспользоваться, что и было блестяще сделано.

Наряду с обширным пакетом введенных против СССР экономических санкций уже к середине 80-х годов только по линии ЦРУ на поддержку моджахедов ежегодно выделялось почти полтора миллиарда долларов. Еще примерно столько же давали Саудовская Аравия и другие страны, включая Китай. При этом надо заметить, что доллар в те годы весил гораздо больше, чем сейчас. То есть фактически Советский Союз был вынужден воевать со всем остальным миром.

Ни одно повстанческое движение за всю историю человечества не пользовалось такой масштабной помощью извне. Это была не просто крупная тайная операция против советских войск в Афганистане, а глобальная война на истощение нашего государства, его разрушение.

Заложники догм?

Истоки этой истории надо отслеживать с конца апреля 1978 года, когда леваки из Народно-демократической партии Афганистана (в основном обучавшиеся в СССР офицеры) совершили в Кабуле военный переворот. Причем нет никаких свидетельств того, что за этой акцией стояла Москва. И для Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР, и для военной разведки (ГРУ), и для ЦК КПСС все случившееся в Кабуле стало полной неожиданностью. Об этом мне говорили многие ветераны советских спецслужб, чья работа была связана с Афганистаном.

Да, Советы поддерживали этих леваков, практически «коммунистов», как поддерживали такую же публику по всему остальному миру: переправляли им через офицеров ПГУ деньги, приглашали их лидеров на консультации и лечение в СССР, но и афганский президент Мохаммад Дауд тоже вполне устраивал кремлевских старцев. Вел он себя осмотрительно, умело балансировал между двумя мирами, тогда в Кабуле любили на эту тему пошутить: «Мы прикуриваем американские сигареты советскими спичками».

Афганистан тех лет был вполне светским государством, а разного рода религиозные фанатики там преследовались.

Советский Союз активно помогал экономически осваивать северные провинции, осуществлял целый ряд крупных инфраструктурных проектов в Кабуле, направил своих специалистов-ирригаторов для создания большого агрокомплекса в Нангархаре. Американцы построили аэропорт в Кандагаре. Западные немцы прилично вложились в развитие Хоста. По стране свободно перемещались толпы длинноволосых хиппи, а также охочих до экзотики и легких наркотиков богатых западных туристов.

Дауд был вынужден считаться с тем, что слева его атакуют социалисты, а справа за его действиями бдительно следят религиозные фанатики, фундаменталисты, боевые учебные центры которых уже тогда действовали на территории соседнего Пакистана. С тем, что в обществе наряду с силами, симпатизирующими великому северному соседу, есть и другие силы, которые хотели бы теснее дружить с Западом.

И вот этот неожиданный путч, который затем назовут «Саурской» или «Апрельской» революцией. Спусковым крючком для него стала цепь событий, в ходе которых партийцы вывели своих сторонников на уличные демонстрации, кто-то был убит, кто-то арестован полицией — а раз так, то око за око, ушедшие в подполье леваки, опасаясь полного разгрома НДПА, принимают решение захватить власть. И в последние дни апреля 1978 года с невероятной легкостью это делают. Глава государства, члены его семьи, министры и приближенные беспощадно уничтожаются восставшими.

Сторонников Дауда из числа военных и гвардейцев также ставят к стенке, всего за те несколько апрельских дней жертвами революционеров стали более полутора тысяч человек.

Никто тогда не знал, что это лишь первое звено в череде страшных кровавых событий, которые затем на протяжении многих десятилетий будут происходить в Афганистане и сделают эту страну символом войны и горя.

А что же Москва? Оправившись от первого шока, наши руководители вынуждены признать новую кабульскую власть, которая вскоре обещает построить свой социализм. В столицу Афганистана одна за другой едут наши делегации — партийные, правительственные, по линии КГБ, Минобороны, общественных и иных организаций. Сначала с целью прощупать настроение революционеров, но уже вскоре — с желанием оказать всестороннюю помощь братской партии в строительстве новой жизни.

В Кабуле гостей с севера принимают восторженно, вот она — настоящая классовая солидарность, вот он — интернационализм в действии, вот они — подлинные друзья афганского народа.

Возглавивший Афганистан глава НДПА писатель Нур Мохаммад Тараки, его правая рука Бабрак Кармаль и третий человек во власти Хафизулла Амин все те первые недели пребывают в состоянии эйфории. Вчерашние подпольщики, почти маргиналы, никому не известные за пределами своих бедных кварталов, они опьянены легкой победой, перспективами строительства социализма и дружбой с кремлевскими вождями. Их амбиции подогреваются советскими товарищами, поток которых ширится и растет. В Афганистан едут партийные и комсомольские советники — с тем, чтобы НДПА и молодежная организация были выстроены по лекалам КПСС и ВЛКСМ, едут генералы и армейские политработники — с тем, чтобы здешние ВС тоже походили на наши славные вооруженные силы, едут офицеры разведки и контрразведки — создавать подобие КГБ, едут крупные журналисты — помогать в организации подлинно революционных СМИ. Я, грешным делом, и сам в первой длинной командировке в Афганистан выполнял функции советника по делам молодежной печати, курировал аналог афганской «Комсомолки».

Бей своих, чтобы чужие боялись

Но недаром говорят, что благими намерениями бывает вымощена дорога в ад. Мохаммад Тараки со товарищи так рьяно начал объявленные реформы, что моментально восстановил против новой власти значительную часть населения — религиозное духовенство, племенных авторитетов, землевладельцев, либерально настроенную интеллигенцию. Да и крестьянам — а они есть основа афганского общества — были абсолютно чужды и непонятны лозунги революционеров. Зато ситуацией

немедля воспользовались разного рода исламские партии, в основном фундаменталистского толка, которые еще до Апрельской революции начали свою борьбу за крестьянские умы. В разных концах страны стали возникать очаги вооруженного сопротивления «коммунистам» и «безбожникам».

В Панджшере набирал силу Ахмад Шах Масуд, который в скором времени станет главным врагом Кабула, а затем и «ограниченного контингента» советских войск. На юге, в зоне племен, черной тучей набухали отряды крайне жесткого радикала Гульбеддина Хекматияра, к началу 1979 года исламские партизаны были замечены во всех двадцати девяти провинциях, причем их действия постепенно приобретали характер скоординированной войны против кабульского режима. Кстати, некоторые серьезные эксперты не без оснований полагают, что Апрельская революция опередила готовившийся мятеж фундаменталистов, то есть Дауд в любом случае был обречен. Но пока — а мы говорим о 1978–1979 гг. — дворец Арг в центре Кабула осваивал Тараки, произносивший пламенные речи о диктатуре пролетариата по советскому образцу и обещавший за пять лет сделать в Афганистане то, что «шурави» сделали за шестьдесят. Всех, кто посмеет не согласиться с реформами, «диктатура пролетариата» сметет со своего пути, уничтожит. Еще одна важная особенность того периода: Афганистан потихоньку прибирали к рукам чекисты. Летом 1978 года там было создано представительство КГБ СССР во главе с Л. П. Богдановым, должность главы представительства вскоре стала генеральской, а ряды лубянских офицеров множились с необыкновенной быстротой.

2 августа в Кабул впервые прибыл «товарищ Владимир» — под такой фамилией станет навещать братьев-революционеров начальник разведки В. А. Крючков. Вместе с ним прилетел и самый молодой генерал Первого главного управления Олег Калугин, который вскоре попадет в опалу, а затем и вовсе будет объявлен предателем, заочно осужден, в середине 90-х сбежит в Штаты. Но тогда шеф разведки еще поручал Калугину самые деликатные дела, пил с ним виски и брал с собой вот в такие вояжи. Осенью очередной московский визитер, коим оказался кандидат в члены политбюро Б.Н. Пономарев, прочел афганскому руководителю Н.М. Тараки целую лекцию о важности сохранения единства партии, опасности фракционных расколов, просил его не злоупотреблять репрессивными мерами, особенно в отношении товарищей по партии. Это было неспроста: к тому времени ко всяким внешним неприятностям добавились внутрипартийные распри между «халькистами» (их лидеры — Тараки и Амин) и «парчамистами» (там главным был Кармаль)*. Противостояние становилось таким острым, что отправленные послами «парчамисты» вскоре стали один за другим отзываться домой, где их ждала тюрьма. Бабрак Кармаль, получивший назначение в Прагу, возвращаться

отказался, скрылся до поры от аминовских киллеров в лесах Западной Чехии.

Все это, безусловно, тревожило советских руководителей в Москве, создавало нервную обстановку в аппарате советников.

Факт — что всякая революция почти обязательно пожирает своих детей. Апрельский переворот в этом смысле был прямо-таки классическим. Сначала афганские революционеры беспощадно расправились со всеми видными сторонниками прежнего режима, затем взялись за оппозицию в собственных рядах. Почувствовав вкус к массовым репрессиям, опьяненные запахом крови и собственной безнаказанностью, новые хозяева страны стали пускать в расход всех, кто хоть в малой степени внушал подозрение. И даже тех, кто не внушал, а просто попал под горячую руку.

- Расстреливали крупных землевладельцев, торговцев, банкиров, предпринимателей — потому что они стояли на «классово чуждых позициях».
- Убивали религиозных авторитетов — потому что отныне государству было не по пути с религией.
- Расправлялись с интеллигенцией — просто так, на всякий случай.
- Устраивали массовые казни крестьян — это был ненадежный элемент, в любой момент крестьяне могли перевернуться на сторону контрреволюции.
- Бомбили с самолетов районы традиционного расселения пуштунских племен. Артиллерийским огнем стирали с лица земли кишлаки. Бросали карательные экспедиции туда, где, по данным разведки, были замечены пока еще малочисленные отряды исламских партизан.

А когда наши советники пытались остановить эту вакханалию ничем не оправданного зверства, им говорили: «Вспомните свою Великую Октябрьскую революцию. Вспомните о том, как в годы Гражданской войны и в последующие десятилетия вы самым беспощадным, самым жестоким образом искоренили всех реальных и потенциальных врагов, обеспечив гарантии для строительства социализма». «Но ведь мы осудили свои репрессии, признали свои ошибки», — пытались спорить советники. Их не слышали. Афганские руководители разного уровня словно соревновались друг с другом: кто больше истребит собственных граждан.

Мятеж в Герате

Менее чем за год Афганистан всецело стал зависим от Советского Союза. В декабре 1978-го Москву с государственным визитом навестили Тараки и его ближайший сподвижник Амин. Главу ДРА с почестями принимал генеральный секретарь Л.И. Брежнев, а второй по важности афганец

беседовал с председателем советского правительства А.Н. Косыгиным. Интересно, что переводчиком выступал Дмитрий Рюриков, тогда работавший в нашем посольстве в Кабуле, а впоследствии — помощник российского президента Б.Н. Ельцина.

Общее число советских специалистов в ДРА к весне 79-го перевалило за две тысячи. Они помогали афганцам выращивать цитрусовые и оливки на построенных Советским Союзом агрокомплексах под Желалабадом. Преподавали в Кабульском политехническом институте и авторемонтном техникуме. Участвовали в освоении газовых месторождений на севере страны. Налаживали производство минеральных удобрений в Мазари-Шарифе. Работали врачами, преподавателями, советниками в госучреждениях и партийных органах. К любому делу они подходили по советским меркам. А по каким же еще, если эти специалисты во втором или третьем поколении были советскими?

Они уже с молоком матери впитали советские подходы к тому, как должна быть организована жизнь, не важно, какая это жизнь — партийная, комсомольская, профсоюзная, производственная или военная... Они уговаривали крестьян создать некое подобие колхозов не потому, что были плохими или злыми людьми, а лишь только потому, что не знали иной формы организации сельскохозяйственного производства. Они с гордостью докладывали наверх цифры «охвата», потому что именно так всегда было в комсомоле и в профсоюзах, где они состояли. Они организовывали в воинских частях подобия ленинских комнат, потому что в каждой советской роте были такие комнаты — с наглядной агитацией, стенгазетой и портретами вождей. Они не допускали даже мысли о том, что кроме НДПА возможно существование какой-то другой партии или политической организации, потому что родились и выросли в условиях однопартийной системы и «демократического централизма», который подразумевал жесткую вертикаль власти, а все отступления от этого принципа неумолимо карал.

Многие из них искренне поверили в идеалы Апрельской революции. Свобода, равенство, братство... Там, на родине, все это осталось уделом книг, мемуаров, мифов. А здесь — вот она, революция, только выйдешь за порог, и на тебе — борьба старого с новым, схватка света и тьмы. Долой рабский гнет! Да здравствует свобода! «Наш паровоз, вперед лети! В Кабуле остановка. Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка!» — с энтузиазмом пели советники по вечерам, приняв на грудь русской водки. Они не могли выскочить из собственных штанов. Но при этом вот что удивительно: за редким исключением память о них осталась доброй. Афганцы оценили их бескорыстие, их смелость, искреннее желание помочь. Плохое забылось, а все хорошее помнят до сих пор.

Больше всего советников было в вооруженных силах Афганистана: советские генералы, полковники и майоры стояли за спиной каждого афганского генерала, полковника и майора. Наши военные находились во всех воинских частях, штабах, училищах, академиях. Были они и в 17-й пехотной дивизии, дислоцированной на западе страны в Герате. Именно там в марте 1979 года вспыхнул вооруженный мятеж против кабульской власти, и это событие можно считать тем первым камнем, который затем вызвал грандиозный обвал.

В ходе боестолкновений и сопутствующих им беспорядков были убиты советские специалисты — небывалый случай для Афганистана того времени, где издавна считалось, что «шурави» это лучшие друзья, им ничто и нигде не грозит. И вдруг — чудовищные, средневековые расправы.

15 марта Герат оказался в руках восставших. Это вызвало панику по всей стране. Не станет ли мятеж сигналом для других к началу мощного вооруженного выступления? Тараки в смятении обратился к главному военному советнику генерал-лейтенанту Л.Н. Горелову: нам срочно нужна помощь, пришлите своих десантников.

Конечно, генерал немедленно транслировал это обращение «наверх». Москва тоже пришла в сильное возбуждение. Министр обороны Устинов приказал Горелову «поднимать и вооружать рабочий класс». Советник пытался возражать, мол, в Афганистане нет никакого рабочего класса, однако министр так рявкнул на Льва Николаевича, что тот поспешил закончить разговор, а вместо рабочего класса поднял в небо бомбардировщики Ил-28, направив их на Герат.

Несколько дней подряд, включая субботу и воскресенье, — неслыханное дело для мирного времени — члены советского политбюро собирались, чтобы решить возникшую проблему. Рассекреченные записи тех заседаний показывают, как велико было напряжение. Именно тогда из уст министра обороны впервые прозвучали слова о готовности направить «за речку» десантную дивизию и мотострелковый полк.

Хотя, оговорился при этом Устинов, сначала потребуется принять политическое решение. Кандидат в члены политбюро Пономарев хоть и в витиеватой форме, но тоже высказался за ввод войск. Премьер Косыгин предложил значительно увеличить афганским друзьям объемы экономической и военной помощи, однако от силовых методов воздержаться.

19 марта, на следующем заседании ПБ, было принято решение пригласить в Москву главу Афганистана Н.М. Тараки с тем, чтобы из первых уст услышать правду о ситуации в соседней стране. Кстати, теперь тон выступавших значительно смягчился. Председатель КГБ Ю.В. Андропов говорил, что «недопустимо удержать революцию в Афганистане только с помощью советских штыков». Министр иностранных дел А.А. Громыко

соглашался: «Наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором». Даже Д.Ф. Устинов пошел на попятную: «Я так же, как и другие товарищи, не поддерживаю идею ввода войск в Афганистан». Итог обсуждению в тот день подвел Л.И. Брежнев: «Нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну».

Прибывшего в столицу Тараки приняли вначале Косыгин, а затем Брежнев — оба пообещали оказывать всестороннюю поддержку дружественному режиму, однако на все просьбы гостя о вводе войск из уст советских руководителей следовало решительное «нет».

Это, напомню, происходило в марте 1979 года, то есть ровно за девять месяцев до рокового декабря.

И опять зададимся вопросом: что же такого случилось в промежутке между весной и осенью? Отчего эти многоопытные мужи, члены советского политбюро, изменили свое мнение на прямо противоположное, позволив заманить себя в западню?

Сигнал тревоги от Брежнева

Москва все глубже втягивалась в водоворот, порожденный Апрельской революцией. Это был уже необратимый процесс, в который оказались вовлечены политики, военные, разведчики, дипломаты, экономисты, представители десятков гражданских ведомств, сотен учреждений. Советский Союз, где все было в дефиците, щедро отправлял в Афганистан военное снаряжение, боеприпасы, продовольствие, горючее, минеральные удобрения, сельскохозяйственную технику, автомобили, строительные материалы, за свой счет командировал сотни специалистов. В ЦК КПСС не проходило недели, чтобы афганские дела не рассматривались на заседаниях политбюро или секретариата.

Андропов направил в Кабул своего личного представителя, первого заместителя начальника внешней разведки генерала Б.С. Иванова.

В мае в узбекский город Чирчик с секретной миссией прибывают старшие офицеры ГРУ Василий Колесник и Олег Швец. Им приказано на базе 15-й бригады спецназа ГРУ сформировать отдельный отряд специального назначения численностью 538 человек — тот самый «мусульманский батальон», которому надлежит сыграть важную роль в событиях декабря 1979 года.

Обстановка внутри Афганистана накалялась. Во-первых, с каждым днем на всех этажах власти обострялись разногласия между «халькистами» и «парчамистами», революционеры, вместо того чтобы заниматься решением текущих проблем, сцепились между собой. Во-вторых, свою собственную игру затеял Хафизулла Амин, явно метивший стать первым лицом, а фактически — диктатором. И, в-третьих, набирала силу вооруженная оппозиция в лице исламских партий и движений. Следом за

гератским мятежом вспыхивали волнения в других регионах страны и даже в частях кабульского гарнизона.

В сентябре Тараки на пути из Гаваны сделал кратковременную остановку в Москве, где встретился с Брежневым. Леонид Ильич, заранее подготовленный к трудной беседе, прочел по бумажке целый ряд наставлений, смысл которых сводился к тому, что афганским товарищам надо соблюдать принципы коллективного руководства, прекратить необоснованные репрессии в отношении соратников по партии. Далее генсек прозрачно намекнул гостю, что тому следует опасаться нежелательной конкуренции со стороны Амина (правда, эта фамилия не называлась), но сигнал был понятен: не играй с огнем, убери этого человека с глаз долой.

Когда Тараки уже за полночь приехал в отведенный ему особняк на Ленинских горах, то там ему «случайно» встретился старый знакомый — корреспондент ТАСС в Кабуле, а на самом деле офицер внешней разведки Алексей Петров. Они обнялись, и Тараки тут же пригласил Петрова зайти к нему в апартаменты, чтобы пропустить на сон грядущий по стаканчику виски. Петров не заставил себя уговаривать. Собственно говоря, за этим он сюда и явился — чтобы с глазу на глаз потолковать с высоким гостем.

Дело в том, что руководители ПГУ были совсем не уверены в том, до конца ли усвоил Тараки сказанное ему Брежневым. Не пропустил ли мимо ушей грозное предупреждение. Поэтому для подстраховки к афганскому вождю был отправлен Петров, который многие годы был на короткой ноге с лидером НДПА. Алексей неплохо знал язык дари, а значит, мог провести разговор приватно, без посторонних.

Когда уселись за столиком в гостиной, Алексей спросил, какое впечатление на Тараки произвела встреча с Брежневым.

— Очень хорошее впечатление, — с неподдельным энтузиазмом ответил собеседник. — Леонид Ильич и Фидель Кастро — настоящие революционеры!

Затем Алексей осторожно поинтересовался:

— А как вы поняли тезис Леонида Ильича о том, что нецелесообразно кому-то еще, кроме вас, занимать исключительное положение в руководстве страной?

Тараки задумался. Потом, выпив немного виски, сказал Петрову:

— Знаешь, эти полеты-перелеты... Разные часовые пояса. Я мало спал, очень устал и не все понял из того, что мне говорил Леонид Ильич. Но он обещал прислать мне подробную стенограмму.

Тогда Петров коротко и жестко донес до «великого вождя» смысл сказанного ему в Кремле:

— В Афганистане готовится государственный переворот. Вас, товарищ Тараки, хочет сместить с занимаемых постов Хафизулла Амин. Это

может произойти в ближайшие дни. Именно это и хотел вам сказать Леонид Ильич. Но он, по своему статусу, не мог говорить с вами в столь откровенных выражениях.

Тараки выглядел удивленным. Но не испуганным. Судя по всему, до него все еще не дошла реальная степень нависшей угрозы.

— Что же я должен сделать, когда приеду в Кабул?

— Вы должны найти подходящий предлог, чтобы лишить Амина всех занимаемых им должностей, а возможно, и отдать его под суд за совершенные преступления.

На сцене новый герой

Но и Амин в те дни был начеку. Есть версия, что по его приказу самолет с Тараки на борту могли сбить на подлете к кабульскому аэропорту.

Верные главе государства силовики в последний момент заменили расчеты всех огневых точек и радиолокационных станций вблизи столицы. По другой версии, те же силовики якобы дали указание своим офицерам при появлении Амина открыть по нему шквальный огонь из автоматов. Второй человек, используя свои возможности в спецслужбах, прежде чем появиться в аэропорту для встречи Тараки, принял все возможные меры безопасности.

Иначе говоря, в тот день обе стороны сыграли вничью. Но участь главного революционера уже была предрешена. Развязка наступила в середине сентября: председатель революционного совета товарищ Тараки был арестован, а затем убит по приказу премьер-министра товарища Амина.

На состоявшемся тут же пленуме ЦК товарища Тараки предали анафеме, а товарища Амина избрали главой партии и государства.

Наши посольские работники, а также скопившиеся «за речкой» в изрядном количестве разведчики, военные, партсоветники опять чесали затылки: всем было ясно, что произошла явная гадость, что так дела не делаются, но... Но уже на следующее утро им пришлось выстраивать отношения с новым афганским руководителем. Ведь он немедля поклялся в верности Москве, объяснил инцидент борьбой с предателями внутри партии и пообещал еще активнее строить социализм.

Восток — дело тонкое. Примерно по этой формуле тогда списали все случившееся в Кабуле.

Однако руководители КГБ на всякий случай отправили «за речку» офицеров спецназа, т.н. группу «Зенит», которой вначале поручили исполнять рутинные функции по охране совпосольства, но на будущее имели в виду другие, куда более секретные и рискованные операции. Именно они, «зенитовцы», тайно эвакуировали в СССР противников Амина из числа министров его правительства — иначе тех ждала бы неминуемая гибель. Именно им впоследствии пришлось прикрывать

тайно переброшенных в Афганистан видных «парчамистов», включая Бабрака Кармаля, на которых Москва решила сделать ставку.

Чуть раньше на авиабазе Баграм в полусотне километров к северу от столицы был размещен советский десантный батальон — тоже под предлогом охраны аэродрома.

Да, начиная с конца сентября 1979 года отношение к Афганистану со стороны советских вождей стало кардинально меняться. Брежнев сильно обиделся на Амина, который уничтожил человека, с которым Леонид Ильич еще вчера в засос целовался.

Когда генеральному секретарю ЦК КПСС доложили, что новый афганский руководитель вышел с просьбой принять его в Москве, Брежнев развел руками: «Это что же, мне теперь придется обнимать этого злодея?»

Сотрудникам разведки было дано указание «разрабатывать» Амина на предмет его связи с Западом, тут вспомнили, что в молодости Хафизулла учился в одном из американских университетов, что он, несмотря на левацкую риторику, не чужд земных радостей. Стали наспех лепить из него «агента ЦРУ».

Правда, возникло неожиданное препятствие в лице высокопоставленных военных. И главный советник от Минобороны генерал Горелов, и главный советник от Главпура генерал Заплатин, вызванные «на ковер» в Москву, высоко отозвались о деловых качествах нового афганского вождя, хотя и не стали отрицать проявляемую им жестокость по отношению к политическим оппонентам.

«У него есть два самых святых праздника в году, — с жаром говорил министру обороны Заплатин. — Это 7 ноября и 9 мая».

Главный военный советник Горелов вместе с генералом внешней разведки Ивановым и послом в Кабуле Пузановым был приглашен на заседание комиссии политбюро, где впервые обсуждалась возможность ввода советских войск в Афганистан. Пузанов по своему обыкновению (а может быть, и по рекомендации своего непосредственного начальника Громыко) отделался расплывчатой формулой «с одной стороны — с другой стороны». Иванов не исключил того, что войска придется вводить, пояснив — при каких обстоятельствах. И только Горелов стоял на своем: «Советское военное присутствие в ДРА усиливать нельзя. Афганские вооруженные силы в состоянии решить поставленные перед ними задачи».

Ставки в игре растут

Воспользовавшись сменой власти в Кабуле и естественной для такого рода неразберихой, отряды вооруженной оппозиции значительно расширили зоны своего контроля над страной. В некоторых провинциях на юге и севере ДРА они удерживали до девяноста процентов территории.

Да и провинциальные центры находились лишь под относительным контролем Кабула: с наступлением сумерек здесь всю хозяйничали партизаны.

В те дни наметился явный водораздел между позициями наших военных и чекистов. Первые испытывали симпатии к Амину, считали, что ВС ДРА в состоянии справиться с возникающими проблемами. Вторые на Амине уже поставили крест, а наше военное вторжение считали неизбежным. Срочно командированный в Кабул заместитель министра обороны Павловский звонил Устинову и докладывал ему одно. Через минуту начальник представительства КГБ Богданов звонил Крючкову и докладывал ему другое, иногда прямо противоположное. Скрытое противостояние советских ведомств в Кабуле достигло тогда своей кульминации. А за кульминацией, согласно всем законам драматургии, всегда следует развязка.

Резидентура КГБ неоднократно информировала Центр об усилении репрессий. В одной из телеграмм резидент Осадчий сообщал о том, что, по сведениям, полученным от заслуживающего доверия источника, Амин дал указание готовить акцию по физическому уничтожению трех сотен политзаключенных, среди которых многие видные деятели НДПА, как «парчамисты», так и «халькисты».

Между афганским руководителем и нашими спецслужбами развернулась крупная игра. Советская разведка со всех сторон обложила Амина, отслеживая каждый его шаг, но и он предпринимал часто небезуспешные попытки контролировать «друзей», используя для этого возможности созданной при помощи КГБ своей службы безопасности.

Подслушивающая аппаратура была установлена во многих местах, где присутствовали «шурави». Даже в плинтусе гостевого дома, предназначенного для проживания самых высокопоставленных визитеров из СССР, люди Богданова однажды обнаружили «жучок», который изымать не стали, а вместо этого использовали его в дальнейшем для дезинформации. Кстати, техника подслушивания была выявлена, когда в гостевом доме проживал генерал армии Павловский.

Кроме того, по личному приказу Амина при КАМ (аналог афганского КГБ) была создана специальная оперативная группа из особо преданных сотрудников, которые ежедневно разъезжались по тем объектам, где находились советские специалисты, и через свою агентуру производили опросы: кто чем занимался, кто о чем говорил? Сводка с этими данными каждый вечер ложилась на стол Амину.

Но и «советские друзья» не сидели без дела. К сбору информации были привлечены не только сотрудники резидентуры и шестьдесят офицеров представительства, но и многие «зенитовцы», а также вся агентурная сеть, сотни военных советников и специалистов. «Под Амина» Богданов сумел значительно увеличить численность своего представительства: в августе

штатное расписание насчитывало 175 позиций, а в декабре уже 350. За границами СССР еще только в ГДР имелась столь многочисленная официально действующая структура КГБ.

Отмежевавшись по многим линиям от своего предшественника, немедленно предав его забвению (имя Тараки не упоминалось нигде), Амин тем не менее продолжал, как и прежде, обращаться с просьбами к Москве о вводе советских войск. То он просил батальон для его личной охраны, то усиленный полк для противодействия мятежникам на севере Афганистана. Ответы на эти просьбы облекались в разные формы, но их суть всегда оставалась неизменной: прислать войска не представляется возможным, обходитесь своими силами.

Понимал ли Амин, что ему не простят злодейское убийство Тараки? Возможно, ощущая возникший холодок, он стал предпринимать лихорадочные усилия для того, чтобы вернуть былое доверие, остаться «своим» в глазах кремлевских начальников. Похоже, сам он вовсе не считал случившееся каким-то преступлением. Вряд ли его беспокоили муки совести, напротив, он искренне верил, что, сместив, а затем и убив «учителя», он сделал благое дело для партии и Афганистана. Так испокон веков было принято вблизи трона: неугодного правителя сначала свергали, затем обычно безжалостно уничтожали. Амин не придумал здесь ничего нового, он был сыном своего народа, пуштуном и действовал в соответствии с теми неписаными законами, которые впитал с молоком матери.

При этом вероломный афганец продолжал плести интриги — как против своих, так и против неугодных ему «шурави». Он добился отзыва в Москву посла А.М. Пузанова, на смену ему прибыл партийный руководитель Татарстана Фикрят Табеев. Он искусно стравливал между собой наших военных и кагэбэшников. И продолжал бомбардировать Кремль просьбами о своем официальном визите в СССР.

Сто дней его правления ознаменовались и другими новациями. Так, он создал конституционную комиссию и настаивал на том, чтобы будущий Основной закон закрепил политическое устройство Афганистана как социалистического государства, включающего в себя четыре социалистические республики: Пуштунистан, Таджикистан, Узбекистан, Хазаристан. По примеру «старшего брата» он требовал утверждения пятилетнего плана развития экономики. То есть Амин хотел выглядеть в глазах советских товарищей еще более своим, чем Тараки.

Но Москва явно не доверяла ему теперь так, как доверяла прежде предшественнику. Игра продолжалась.

Развязка близится

Леонид Ильич Брежнев той осенью чувствовал себя неважно. Врачи рекомендовали ему избегать нагрузок, больше отдыхать и ни в коем

случае не волноваться. Окружение старалось оберегать генсека от плохих новостей, домашние тоже особо ему не докучали. И вот — на тебе, эта неприятная история с Амином. Поскольку речь шла о первом лице, о руководителе дружественного нам государства, то утаить эту историю от Леонида Ильича было никак невозможно. Пришлось Брежнева информировать по полной, а ему, больному и немощному, пришлось вникать. И чем больше он вникал, тем сильнее портилось настроение у Леонида Ильича.

— Юра, — с упреком обращался он к Андропову, — ты же обещал, что ни один волос не упадет с головы товарища Тараки. Что твои люди надежно контролируют положение. Ты мне можешь объяснить, отчего так произошло?

— Недооценили мы этого Амина, Леонид Ильич, — виновато оправдывался председатель КГБ. — Ох, и коварный оказался! Переиграл нас. В глаза нашим товарищам говорил одно, а за спиной тихонько готовил свое черное дело.

— Да, заварились каша в этом Афганистане, будь он трижды неладен, — ворчал Брежнев. — Давайте решать, как будем действовать. Я так понимаю, Юра, что твое ведомство не очень доверяет этому Амину?

— Да, у нас есть настораживающая информация, — поворошил на столе свои бумаги Андропов. — Я уже докладывал вам прежде о том, что за Амином водится много разных грешков. Есть сигналы о его возможных связях с американскими спецслужбами — мы сейчас их активно проверяем. Не исключено, что Амин вынашивает планы переметнуться к противнику, предать нас.

— Он же не один уйдет к врагу, — вставил Устинов. — Афганистан за собой утащит, вот в чем проблема.

— Для нас это будет большая беда, — согласился с ним Громыко. — Потерять Афганистан мы не можем.

— Да слышали мы это уже, Андрей, слышали, — нетерпеливо произнес Брежнев. — Ясно, что мы не можем потерять Афганистан. Это не в наших национальных интересах. Но что ты конкретно предлагаешь?

— Надо взять паузу. Посмотреть на реальные шаги этого Амина. Заставить его вернуться к ленинским нормам партийного руководства.

— А это реально — заставить Амина отказаться от диктаторских замашек, повернуть его лицом к внутрипартийной оппозиции? — обратился Брежнев к сородникам.

— Это не реально, — сказал Андропов. — Там у них все зашло слишком далеко. Возможно, Амин на словах и согласится с нашими советами, но на деле поступит ровно наоборот. Как вы знаете, лидеры оппозиции, которые находятся в эмиграции, в частности, в странах Европы, выражают готовность сообща выступить против существующего режима,

вернуть партию и страну к нормам демократии и закона. Мы работаем в этом направлении.

— А что означает — «выступить против режима»? — заинтересовался Брежнев. — Они же в Европе. Как ты себе это представляешь?

— Ну, Леонид Ильич... — глава КГБ явно не хотел загружать генерального секретаря рутинными подробностями подготовки государственного переворота. — Они и в эмиграции поддерживают тесные связи со своими соратниками, которые находятся в Афганистане. Когда там ситуация созреет, мы поможем им оперативно перебраться в Кабул. Окажем и другую поддержку, если потребуются.

— То есть ты, Юра, хочешь сказать, что здоровые силы в партии смогут сами решить возникшую проблему?

— Могут, Леонид Ильич. Если им помочь.

— Так это же очень хорошо, — обрадовался Брежнев тому, что выход, оказывается, есть. — Давайте активнее действовать в этом направлении. Поскольку судьба Амина уже была решена, то теперь требовалось подыскать на его место другого вождя. Советская разведка остановилась на кандидатуре Бабрака Кармаля. Его разыскали в Чехословакии, провели с ним соответствующие беседы, привезли в Москву, где на одной из конспиративных дач КГБ в начале ноября собрали всех будущих руководителей Афганистана. Интригам Амина Кремль решил противопоставить свой собственный заговор, организованный по всем правилам чекистской конспирации.

Собранные по миру опальные афганцы, поняв, откуда и куда дует ветер, без всяких возражений согласились с кандидатурой Кармаля, быстренько распределили между собой министерские портфели и стали готовиться к переброске в Кабул.

Первым на территорию Афганистана тайно переместили видного «парчамиста» Абдул Вакиля, которому предстояло стать министром финансов, а затем министром иностранных дел. Предварительно над ним хорошо поработали специалисты по изменению внешности, и теперь родная мама не узнала бы Вакиля. С помощью контактных линз ему изменили цвет глаз, сделали другим привычное выражение лица, придали хромоту, вложив особую прокладку в ботинок.

Для доставки будущего министра на родину решили использовать вариант с деревянным контейнером, в котором, по легенде, перевозились запчасти для «джипов-шурави», как афганцы называли наши уазики. Сам этот ящик был погружен в один из УАЗов, который, в свою очередь, въехал в чрево транспортного самолета Ан-12 и на его борту благополучно проделал весь путь от подмосковного военного аэродрома до Кабула. В афганской столице груз, как обычно, досматривать никто не стал, джип своим ходом добрался до виллы спецназа «Зенит», где Вакиль был целым и невредимым передан в руки резидента Вилиора Осадчего.

Переведя дух, афганец вскоре под покровом темноты стал выходить в город для установления связи с другими партийцами.

Приступить к ликвидации

Из Центра в кабульскую резидентуру поступило указание: быть готовым к самым решительным действиям. Там стали думать, как подобраться вплотную к Амину на предмет его возможного устранения. Или нейтрализации. Только чрезвычайно узкий круг лиц в Москве и Кабуле знал о вынесенном диктатору смертном приговоре. Начиная с сентября 79-го года рассматривался с десятком вариантов его устранения, однако по разным причинам ни один из них не был доведен до конца.

Находившиеся в Кабуле офицеры спецподразделения «Зенит» получили шифровку с предложением разработать план похищения главы государства и его доставки, живым или мертвым, на территорию СССР. Не получилось.

В Афганистан направили специально подготовленных снайперов, и они уже присмотрели удобные позиции, пристреляли свои винтовки, но в последний момент поступил сигнал «отбой».

Предлагалось использовать мины замедленного действия, замаскировать их под дамские сумочки и тайно пронести в резиденцию главы государства.

Начальник разведки Крючков на одном из совещаний говорил, что можно было бы расстрелять кортеж главы государства из гранатометов.

Направленный в Кабул зам Крюčkова генерал-лейтенант Иванов вышел с предложением самому подойти вплотную к Амину и взорвать его и себя гранатой (!!!).

Был еще один человек, который по долгу службы находился в непосредственной близости к Амину, это майор Юрий Кутепов из 9-го управления КГБ. Он выполнял роль советника при начальнике личной охраны Джандаде, но и с Кутеповым вышла накладка: от своего непосредственного начальства из «девятки» он никаких указаний не получил (да и получить их не мог, до такой степени все было засекречено), поэтому выполнял возложенные на него обязанности по обеспечению безопасности «первого лица» в высшей степени ответственно и добросовестно. И как иначе он мог их выполнять, раз был научен только одному: ничто не должно было угрожать охраняемому лицу. Обращаться к нему с деликатными просьбами также сочли нецелесообразным.

Эта секретность еще сыграет впоследствии злую шутку со многими из действующих лиц разворачивавшейся драмы.

На декабрь был намечен перенос резиденции главы государства из центра на окраину Кабула, туда, где заканчивался проспект Дар-уль-Аман. Там, в отдалении от городских построек, на высоком холме возвышался

величественный дворец, почти замок, прежде использовавшийся как штаб Кабульского гарнизона. Сразу после революции с помощью немецких специалистов его начали капитально ремонтировать, оснащать всем необходимым для жизни и работы главы государства. Средств не жалели: дворец был щедро отделан гранитом, мрамором и ониксом, его покои освещались прекрасными хрустальными люстрами, полы сделаны из наборного паркета.

В конце ноября глава представительства КГБ Богданов встретился с командиром гвардии майором Джандадом.

— Товарищ Джандад, — обратился к нему через переводчика Богданов. — Мы бы хотели осмотреть будущую резиденцию главы государства. Все ли учтено с точки зрения безопасности? Наше руководство в Москве выражает обеспокоенность, особенно в связи с активизацией действий мятежников и террористов. Нас с вами не простят, если с товарищем Амином что-то случится.

— Конечно, конечно, — угодливо засуетился майор. — Я сам хотел вам это предложить. Готов сопровождать вас в любое удобное для вас время. На следующий день Иванов, Богданов и еще несколько офицеров представительства в сопровождении Джандада отправились на «экскурсию» и самым подробным образом осмотрели всю будущую резиденцию афганского диктатора — от подвалов до личных покоев Амина, с его спальнями, ванными и барами. Все это было в тот же день подробно описано, составлены поэтажные планы, а записи до поры легли в сейф.

Руководство Центра, узнав из шифровки о проведенной акции, выразило сдержанную похвалу и рекомендовало продолжать работу по поискам подходов вплотную к «известному вам лицу». И тут Богданову улыбнулась удача.

Когда он работал резидентом в Иране, к ним был направлен на стажировку из управления «С» будущий разведчик-нелегал Михаил Т. Закончив свою миссию, стажер выразил желание по традиции отметить отъезд на родину прощальным ужином. Ясно дело, любой ресторан при этом исключался. Но будущий неlegal, как выяснилось, по своей первой профессии был поваром, поэтому он предложил накрыть стол на квартире у своего куратора — офицера резидентуры. Все хлопоты по приготовлению закуски стажер брал на себя. Вечер удался. Парень проявил чудеса кулинарного искусства, в особенности по части блюд азербайджанской кухни. С тех пор Богданов ничего не знал о его судьбе. И вот — неожиданная встреча. «Повар» оказался в числе направленных в Кабул «зенитовцев». Видимо, что-то не сложилось у него с длинной командировкой за кордон в качестве неlegalа, возможно, он стал жертвой предательства.

План в голове Богданова созрел молниеносно. Леонид Павлович немедленно направил в Центр свои предложения: настоящего повара, который готовился выехать из Москвы для обслуживания Амина и его семьи, тормознуть, а вместо него оформить «зенитовца» Михаила Т.

Через несколько дней женщина-диетолог, случайно встретив Богданова в посольстве, радостно сообщила ему:

— А у нас прибавление. Помните, я вам говорила, что повара ждем. Так вот, он приехал. Дали ему квартиру в микрорайоне, сейчас помогаем обустроиться. Специалист вроде хороший, правда, робкий какой-то, на улицу не решается выходить.

Уже на следующий день Богданов сумел установить надежную связь с личным «поваром» Амина, и тот стал передавать нужную информацию, которая касалась распорядка дня афганского руководителя, его рациона, расположения комнат в его резиденции, приходящих к нему гостей... Но до поры никаких других поручений «повару» не давали. Его час еще не пришел.

Демарш Огаркова

Члены высшего советского руководства тем временем продолжали активно обсуждать сложившуюся ситуацию. Исходной посылкой была следующая: в условиях жесткого противостояния с Западом мы ни в коем случае не должны потерять Афганистан. Результаты многочисленных дискуссий нашли отражение в протоколе заседания политбюро от 31 октября 1979 года. Там давалась жесткая оценка действиям нового афганского руководителя, подчеркивались двуличие и неискренность Амина по отношению к СССР.

Документ политбюро, по сути, был почти смертным приговором диктатору. Начался заключительный акт трагедии под названием «Первый этап Апрельской революции в Афганистане».

8 декабря начальника Генштаба Н. В. Огаркова пригласили на заседание комиссии политбюро по Афганистану. Начальник ГШ вновь изложил свои доводы, их суть сводилась к тому, что нам ни в коем случае нельзя вторгаться в соседнюю страну — это грозит тяжелейшими последствиями. Судьба Амина на этом заседании не обсуждалась, все крутилось вокруг того, что будет, если мы потеряем Афганистан. Появятся ли там американские «Першинги»? Как эта потеря отразится на ситуации в наших среднеазиатских республиках? Что предпримут Пакистан и Иран? Отпустив Огаркова, члены политбюро приняли решение: силами КГБ в Кабуле устранить Амина и привести к власти «здоровые силы в партии», а если это по каким-то причинам сделать будет нельзя, то привлечь к операции контингент советских войск.

— Ограниченный контингент, — уточнил молчавший почти все время Устинов. — Так его и назовем — Ограниченный контингент советских войск.

Когда на следующий день Огарков вновь попытался убедить Устинова в нецелесообразности такой акции, министр обороны не стал церемониться, а грубо накричал на своего маршала:

— Не учите членов политбюро! Выполняйте приказ!

— Но Генштаб не может остаться в стороне, когда принимаются такие важные для страны решения.

— Вы что себе позволяете? — грозно поднялся из-за стола министр. — Вы намерены саботировать решение высшего руководства страны, волю партии? Я давно замечаю, что за спиной министра обороны вы постоянно плетете какие-то интриги. Хватит! Выполняйте приказ! — он демонстративно повернулся спиной к Огаркову, давая понять, что разговор окончен.

Выйдя из кабинета министра, начальник ГШ позвонил председателю Совмина Косыгину и первому заместителю министра иностранных дел Корниенко — оба они разделяли позицию Огаркова.

— Ничего не выходит, — сокрушенно пожаловался маршал. — Устинов не желает меня слушать, стоит на своем.

Да, Устинов и Андропов оказались теми двумя главными лицами в советском руководстве, кто склонил чашу весов в сторону военного вторжения.

В записке, направленной Л.И. Брежневу в начале декабря, председатель КГБ оценивал ситуацию в Афганистане как критическую. Там опять повторялся тезис о секретных контактах Амина с представителями исламской радикальной оппозиции и якобы тайных встречах с американскими представителями. Делалось предположение, что в афганских верхах зреет решение изменить одностороннюю ориентацию на СССР.

И министр обороны тоже к этому времени пришел к выводу, что силовой вариант в Афганистане с прямым участием наших войск неизбежен. И у него тоже были свои, очень серьезные, резоны.

Министр много лет следил за тем, чтобы между двумя сверхдержавами соблюдался стратегический паритет. По числу ядерных боеголовок, бомбардировщиков, подводных лодок, ракет, обычных вооружений, станций слежения и всего прочего, составлявшего наступательный и оборонный потенциал. До какого-то момента такое равновесие, пусть относительное, но существовало. Однако с недавних пор «главный противник» стал явно перехватывать инициативу, а на ряде важных рубежей занимать господствующие позиции. Это касалось в первую очередь американских ядерных сил, их количественного и качественного

потенциала, а также самых современных обычных вооружений, произведенных с применением новейших технологий.

Обе стороны с болезненным подозрением, если не сказать больше — с паранойей, относились к военной активности друг друга, к малейшим изменениям в геостратегической расстановке сил. И в этой связи ситуация на Среднем Востоке вызывала понятную тревогу у Устинова. Было и еще одно важное обстоятельство, тревожившее министра. В отличие от обывателей, которых советская пропаганда убедила в том, что наши вооруженные силы в состоянии отразить нападение любого агрессора и одержать победу в грядущих войнах, Устинов сильно сомневался в фактической боеспособности советской армии и военно-морского флота. Он знал, что во время последних крупных учений множество танков, бронемашин и самоходных орудий не смогли покинуть парки, потому что их техническое состояние оказалось никуда не годным. А из тех, что покинули свои расположения, далеко не все достигли заданных рубежей: техника выходила из строя на маршрутах движения, солдаты и сержанты демонстрировали низкую выучку, терялись в самых простых ситуациях... Запущенные ракеты не попадали в цель, десант высаживался не там, средства связи давно устарели, никакого слаженного взаимодействия между подразделениями и частями не было, мобилизационная готовность оставалась на низком уровне, везде — и в сухопутных частях, и на флоте — процветали неуставные отношения, прапорщики тащили все, что плохо лежит, офицеры пили... Поэтому Устинов рассматривал Афганистан как возможность проверить свою армию в реальных боевых условиях, «подкачать мускулы». Министр несколько не сомневался в том, что это будет короткий поход. За полгода управимся. Зайдем, решим поставленные задачи и выйдем, возможно, оставив на территории Афганистана две-три стационарные базы.

Николай Васильевич Огарков сделал еще одну отчаянную попытку убедить членов политбюро воздержаться от ввода войск в Афганистан. Огарков попал в очень сложное положение. С одной стороны, как начальник Генерального штаба и первый заместитель министра обороны, он был обязан подчиниться приказу и приступить к его немедленному выполнению. С другой... Как опытный полководец и искушенный политик, он хорошо представлял все последствия этого шага — для своей армии, для страны, ее будущего. Плохие предчувствия терзали его. Да, Афганистан отдавать нельзя, он тоже понимал это и был готов к реализации разных вариантов, направленных на то, чтобы сохранить там дружественный нам режим. Но только без участия советских воинских частей. Без большой войны. Свой Вьетнам за Амударьей нам сейчас не нужен, совсем не нужен. Раз чекисты считают, что этот Амин — американский агент, тогда пусть они найдут способ убрать его. Пусть

поставят на его место другого, более надежного человека. А разворачивать армию? Значит, невольно подставляться под удары со всех сторон.

Больно будет.

Очередное заседание ПБ вел сам Брежнев. Когда начальнику Генштаба дали слово, он поймал взгляд Устинова, не предвещавший ничего хорошего. Министр словно предупреждал его: не играй с огнем, а то пожалеешь. Подавив понятное волнение, Николай Васильевич четко и аргументированно изложил свои доводы. В качестве компромиссного варианта он предложил ввести в Афганистан небольшие подразделения для охраны наиболее важных объектов. Проблему же надо решать политическим, а не военным путем.

— А кто вас уполномочил говорить здесь о политике? — прервал его Андропов. — Займитесь выполнением своих непосредственных задач. Политику оставьте нам.

— Но я — начальник Генерального штаба... — пытался возражать Огарков.

— И не более того, — Андропов был на удивление резок. — Вас пригласили не для того, чтобы выслушивать ваше мнение, а чтобы высказать вам решение политбюро. Для его последующего исполнения. А политбюро склоняется к другому мнению. И вы его знаете.

— Какие еще будут суждения, товарищи? — обвел взглядом присутствующих генсек.

— Поддержать Юрия Владимировича, — подал свой скрипучий голос Сулов. А следом за это высказались и другие члены политбюро. Хотя окончательное решение в этот день зафиксировано на бумаге не было. Просто договорились, что «на всякий случай» войска следует привести в готовность к вводу на территорию Афганистана.

Удивительно, но и этот эпизод не поколебал решимости Огаркова отстаивать свою точку зрения. Возможно, впервые за много лет своего существования политбюро столкнулось с таким последовательным сопротивлением со стороны одного из высших должностных лиц государства.

10 декабря начальник ГШ предпринял последнюю отчаянную попытку переломить ситуацию. Он подготовил обстоятельный доклад, где были изложены основные моменты текущей ситуации в Афганистане и пути решения возникших проблем. В конце содержался жесткий вывод: появление советских войск на территории суверенного государства чревато тяжелыми политическими, экономическими, социальными и военными последствиями. Доклад, кроме начальника Генштаба, подписали Ахромеев и Варенников. Так, втроем, они и принесли этот документ Устинову.

Передавая доклад министру, Огарков предъявил свой последний козырь:

— А не думаете ли вы, Дмитрий Федорович, что американцы сознательно втягивают нас в большую войну? Чтобы обескровить и скомпрометировать СССР перед мировым сообществом? Есть у наших товарищей такое мнение, что спецслужбы США сфабриковали и умело подбросили «дезу» и насчет предательства Амина, и насчет своего возможного контроля над Афганистаном.

— Обратите внимание на то, как спокойно, я бы даже сказал — безразлично, они реагируют на все наши военные приготовления, — добавил Варенников. — Вряд ли эти приготовления им неизвестны. Но — молчат, не делают официальных заявлений, не поднимают шум в прессе. Это на них не похоже.

Устинов никак не прореагировал на сказанное. Сохраняя молчание, министр обороны пробежал глазами весь доклад. Сделал на полях несколько карандашных пометок. Потом расписался на первой странице, вложил документ в папку и вернул его Огаркову:

— Это вам для прокурора.

Отвернулся. Прошелся по просторному кабинету.

— Поздно уже, — сказал он, глядя прямо в глаза начальнику Генерального штаба. — Поздно. Решение принято. И нам с вами надо его выполнять.

Огарков был не единственным крупным военачальником, кто понимал всю пагубность силового решения афганской проблемы. Еще в начале ноября из Кабула после двухмесячной командировки вернулся главком сухопутных войск, замминистра обороны генерал армии Павловский, который изложил министру свои соображения — они полностью расходились с той картиной, которая сложилась в голове Устинова. Павловский прекрасно понимал, что рискует своей карьерой, но интересы государства были для него выше. Министр, выслушав его, грубо отругал, а затем надолго перестал общаться со своим замом.

Двух других генералов — главного военного советника в ДРА Горелова и советника от главпура Заплатаина, также последовательно выступавших против вторжения, под разными предложениями отозвали из Кабула и с понижением отправили продолжать службу в Союзе.

Последний акт

Глава внешней разведки КГБ СССР Владимир Александрович Крючков был в те дни одним из главных действующих лиц разворачивавшейся исторической драмы.

По существу, Крючкову требовалось спланировать и осуществить политический переворот, смену режима в соседнем государстве, которое хоть и являлось сателлитом СССР, но было абсолютно суверенным. Как объяснить миру, отчего мы явились в Афганистан, следуя неоднократным просьбам руководства этой страны, а войдя, тут же это руководство

свергли? Хорошо, если всю грязную работу совершат афганские оппозиционеры. Тогда это будет их внутренним делом. А если нет? И потом, что делать с Амином? Арестовать, предать суду и за все совершенные преступления приговорить к смерти? Ликвидировать в ходе акции по смене власти? Привезти в Советский Союз и изолировать здесь? Политбюро не станет заниматься такими «мелочами», оно приняло принципиальное решение, а все остальное придется делать им, сотrudникам КГБ. И любая ошибка будет стоить очень дорого. Конечно, с Амином лучше покончить на этапе захвата власти. Здесь тот самый случай, когда нет человека — нет и проблемы. Оформить это как казнь по приговору чрезвычайного революционного суда. В Афганистане такой вариант не вызовет особых вопросов, там все знают, что у Амина руки по локоть в крови. Далее надо тщательно и заранее подготовить ответы на те деликатные вопросы, которые будут, обязательно будут возникать у международного сообщества, у наших друзей из стран соцлагеря, у лидеров государств Движения неприсоединения, членом которого является Афганистан. Словно угадав его мысли, позвонил Андропов:

— Володя, я тебе направил наработки наших товарищей из ЦК по поводу предстоящих событий. Ты посмотри внимательно и дай свою оценку. Вскоре из приемной ему принесли увесистый пакет документов. Все они касались тех трудных проблем, над которыми ломал голову начальник ПГУ. Один документ так и назывался — «О единой трактовке вопросов, связанных с изменениями в афганском руководстве и вводом советских войск в Афганистан». Это была как бы базовая установка, на основе которой можно было дать объяснение по целому кругу возникающих вопросов.

13 декабря внедренный в окружение Амина «повар», он же офицер внешней разведки Михаил Т., получил приказ использовать доставленное из Москвы спецсредство. Иначе говоря — яд, который должен был вывести из строя Хафизулла Амина и его племянника Асадуллу, руководившего афганской госбезопасностью. План операции был таким: нейтрализовать эти ключевые фигуры и, воспользовавшись временным безвластием, внезапно атаковать все главные объекты Кабула подразделениями армейского и комитетского спецназа, а также прибывшими на подмогу ротами десантников и пограничников. «Здоровым силам в НДПА» отводилась вспомогательная задача: они должны были сыграть роль «пятой колонны», то есть изнутри способствовать захвату нужных объектов.

«Повар», как и было задумано, за обедом подмешал спецсредство в кока-колу, которую подали к столу главы ДРА. Амин не почувствовал подвоха: он охотно пил колу, поглощал приготовленные блюда. Убедившись в том, что спецсредство попало по назначению, «повар» позвонил из дворца Арг

дежурному в офис экономического советника и произнес условную фразу: «Скажите, пожалуйста, как обстоят дела с дополнительной мебелью для моей квартиры в микрорайоне?» Это означало, что он свою задачу выполнил и готов к отходу на заранее обговоренные позиции. Взявший трубку сотрудник представительства КГБ также условной фразой разрешил Михаилу покинуть дворец и укрыться в советском посольстве. Итак, 13 декабря 1979 года после полудня оба главных противника были напичканы ядом. Теперь требовалось получить подтверждение, что спецсредство сработало, что оба Амина нейтрализованы. Только тогда могли приступить к следующему этапу операции.

Но случилось непредвиденное: яд подействовал лишь на племянника — тот утром следующего дня был отправлен в госпиталь с признаками сильнейшего пищевого отравления, а затем для «дальнейшего лечения» перевезен в Москву. Что касается первого лица, то на его самочувствии яд отчего-то не отразился. Как ни странно, этот инцидент не вызвал особых подозрений у Хафизуллы Амина. «Повар» не вышел у него из доверия и продолжал накрывать стол афганскому диктатору.

20 декабря происходит долгожданный переезд главы партии и государства в только что отремонтированную резиденцию Тадж-Бек. На следующий день Амин на заседании правительства сообщает о значительном расширении советской военной помощи.

— Наконец-то советские товарищи вняли нашим просьбам о направлении в Афганистан воинских частей и подразделений для защиты завоеваний Апрельской революции, — с пафосом сообщил он своим соратникам. Те зааплодировали.

В этот же день военные и чекисты в Кабуле окончательно утвердили все планы по захвату самых важных правительственных и иных объектов, в первую очередь резиденции главы государства. Начальник представительства КГБ лично проинструктировал «повара», которому вновь поручалось приготовить «главное блюдо» для предстоящих «мероприятий» в афганской столице.

Обратного пути уже не было.

В четверг, 27 декабря, Хафизулла Амин пригласил в свою новую резиденцию на обед ближайших соратников — членов политбюро, министров. Некоторые были с женами — им накрыли на женской половине. Формальным поводом для встречи стало возвращение из Москвы члена политбюро Панджшери. Но у Амина имелась еще одна существенная причина пригласить к себе гостей. Ему не терпелось показать свою новую резиденцию, похвастать роскошью представительских помещений и личных покоев.

Сели за стол. Хозяин дома торжествующе обвел взором присутствующих: — Советские дивизии уже на пути сюда. Я вам всегда говорил, что великий сосед не оставит нас в беде. Все идет прекрасно. Я постоянно

связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи.

После плова перешли в соседний зал, где был накрыт чай. Некоторые гости, сославшись на срочные дела, уехали в город.

И тут случилось необъяснимое. Почти одновременно все почувствовали себя худо: их одолевала чудовищная, неведомая никому раньше сонливость. Гости Амина падали на диваны или прямо на ковер и буквально отключались. Некоторых разбирал безостановочный истерический смех. Напуганная охрана бросилась к телефонам, вызывать докторов из советского посольства и Центрального военного госпиталя. Амин не был исключением: его охранники, поддерживая обмякшее тело генсека, помогли добраться до кушетки, и хозяин дворца мгновенно провалился в глубокий сон.

Кажется, на этот раз «повар» не сплеховал. Спецсредство, подмешанное в суп, оказало именно то действие, на которое рассчитывали. Правда, и теперь не обошлось без досадных накладок. Во-первых, яд подействовал сразу, а не к вечеру, когда намечался захват дворца. Во-вторых, планировавшие операцию люди не предусмотрели такого «пустяка», как вмешательство врачей, в том числе советских, а они незамедлительно прибыли в резиденцию во главе с начальником Центрального госпиталя Валайятом Хабиби — спасти руководителя партии и государства. Генерал Хабиби и его заместитель, два советских полковника (военврачи), два доктора из посольства, медсестры — такие массивные силы были мобилизованы в Тадж-Бек. Посольских врачей отправил лично совпосол, до сих пор пребывавший в неведении относительно начавшейся спецоперации.

Некоторых гостей пришлось срочно эвакуировать в госпиталь. Кому-то делали промывание желудка прямо там, во дворце. Конечно, самое большое внимание врачи уделили товарищу Амину. Ему промыли желудок, поставили капельницы.

Очнувшись через несколько часов, Хафизулла Амин открыл глаза и удивленно спросил у врачей: «Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал?» Ответом было молчание. Однако тишина оказалась недолгой. Ровно в 19.30, когда за окнами уже сгустилась зимняя тьма, несколько страшных взрывов потрясли стены дворца. С потолков посыпалась штукатурка, послышался звон разбитого стекла, отовсюду раздались испуганные крики прислуги и охранников. И почти сразу вслед за этим ночную тьму разорвали светящиеся пунктиры трассирующих пуль — они тянулись к дворцу со всех сторон, а грохот взрывов стал беспрерывным. Амин оторвал от подушки тяжелую голову. Рядом с его кроватью были два человека — жена Патмана и приехавший только что из города министр внутренних дел Факир. Увидев его, Амин едва слышно произнес:

— Факир, кажется, я схожу с ума.

Стрельба и взрывы гранат тем временем стали слышны уже на первом этаже дворца.

— Дайте мне автомат, — слабым голосом попросил Амин и сделал попытку подняться.

— В кого ты хочешь стрелять? — спросила его жена. — В «шурави»? Она все уже поняла.

В штурме дворца Тадж-Бек приняли участие почти все главные силы, переброшенные к тому времени в Кабул: «мусульманский» батальон — в полном составе, рота десантников под командованием старшего лейтенанта В. Востротина, отряд «Зенит» и группа «А». На помощь им подтягивались десантники 103-й дивизии, недавно прибывшие самолетами из Союза. Никаких шансов уцелеть у Амина не было.

Когда бой во дворце переместился на второй этаж, он нашел силы подняться с кровати и, держа в обеих руках бутылки с физраствором, обмотанный трубками от капельниц, с вколотыми в вены шприцами, вышел в коридор. Военврач Алексеев впоследствии вспоминал: «Он шел по коридору в трусах и майке, весь в отблесках огня, держа в высоко поднятых руках, словно гранаты, флаконы с физраствором». Из боковой комнаты выбежал его младший пятилетний сын, и с плачем прижался к ногам Амина. Они попытались укрыться от шквального огня за стойкой бара, того самого бара, который несколько часов назад Амин с гордостью показывал своим гостям. Здесь их и настигли осколки гранат. Через несколько минут, когда исход боя был предрешен, к уже бездыханному телу подошла группа людей — двое советских и два афганца.

Они перевернули Амина на спину, достали фотографии и сверили по ним личность убитого. Убедившись, что ошибки нет, один из афганцев выстрелил в упор из пистолета в теперь уже бывшего руководителя Афганистана, «командира» Апрельской революции.

Руководивший операцией полковник Колесник (ГРУ) и отвечавший за действия своих спецназовцев генерал Дроздов (КГБ) подписали акт об опознании Хафизуллы Амина. После чего завернутое в штору тело немедленно унесли и спешно захоронили в районе дислокации «мусульманского» батальона. Неподалеку погребли и тела двух его сыновей, ставших жертвами атаки на резиденцию главы Афганистана. Всего во дворце Тадж-Бек погибли двадцать пять афганцев, включая жену члена политбюро Шах Вали. Потери с советской стороны составили пять человек убитыми в группах спецназа КГБ, четырнадцать убитых в «мусульманском» батальоне и у десантников. Раненых было более сотни. Погиб начальник объекта «Балашиха» полковник Бояринов, который лично повел в бой своих «зенитовцев». Случайная пуля настигла также

военного врача полковника Виктора Кузнеченкова, приехавшего спасать Амина.

Когда бой еще был в самом разгаре, и из дворца в посольство поступали самые разноречивые сведения, Богданову позвонил по ВЧ Крючков. Он недвусмысленно дал понять, что живой Амин им не нужен. «По "первой строке" надо кончать», — условным кодом сказал начальник ПГУ.

Примерно в 20.30 по местному времени сразу по нескольким каналам в Москву доложили: «Главному — конец».

Но это был не конец.

Закончилось лишь то, что потом назвали «первым этапом Апрельской революции».

Завершая эту первую часть «афганского триллера», надо сказать следующее.

Не только профессиональные военные понимали тогда всю пагубность масштабного вторжения в Афганистан и открыто выступали против него. Я уже упоминал позицию главы правительства А.Н. Косыгина — он до конца оставался верен ей. В своей записке, направленной в ЦК, свои возражения высказал академик Е.М. Примаков. Позже в такой же записке обоснованное несогласие выразил другой авторитетный ученый академик О.Т. Богомолов.

Иначе говоря, даже в пик застоя во властных структурах Советского Союза находились люди, которые не боялись высказывать мнение, расходившееся с генеральной линией партии и правительства.

Материал вышел в № 1 журнала «Горби»

Источник: <https://gorby.media/articles/2023/08/29/afganskii-triller-kak-vvodili-i-kak-vyvodili-sovetskie-voiska-iz-afganistana>

Изображение: архив Reuters